

«Храбрость — это благородство в трудный час»

Эрнест Хемингуэй

«Трусость, если отличать ее от паники, практически всегда — невозможность обуздать воображение. Умение отключать воображение и жить исключительно настоящим, без прошлого и будущего, — величайшая способность, которую может выработать в себе солдат»

*Из предисловия к антологии «Люди на войне»**

* «Люди на войне»/Men at War — вышедшая в 1942 г. антология произведений о войне, составленная Э. Хемингуэем, с его предисловием.

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ

Я уверен, Эрнесту Хемингуэю понравилась бы подборка, сделанная его внуком Шоном из произведений деда о войне. Любой сборник избранного подразумевает следующее: какие-то произведения оставлены за рамками, но более чем достаточно включено в сборник, чтобы создать у читателя двадцать первого века правдивое представление о войне, о том, как она велась в последние сто лет.

Хемингуэй родился в 1899 году, и если бы смог прожить максимально отпущенный человеку срок, то стал бы живым свидетелем столетия, по ходу которого в войнах погибло больше людей, чем в любой другой сопоставимый исторический период. К сожалению, в середине столетия у него возникли проблемы со здоровьем, которое катастрофически ухудшилось, когда из-за «холодной войны» ему пришлось выбирать между любимой «Финка Вихией»* и родной страной. Он умер, не дожив совсем немного до окончания второй трети столетия.

В какой степени участие Хемингуэя в войнах повлияло на его здоровье и насколько сократило ему жизнь? По моему разумению, в немалой. Будучи счастливым американцем, он отправлялся на войну по собственной воле, в отличие от несчастливого испанца или еще более несчастливого поляка, к которым война приходила сама.

Джеймс Джойс, возможно, величайший писатель двадцатого столетия, не воевал и ничего не писал о войне, но

* «Финка Вихия»/Finka Vigia — вилла Хемингуэя на Кубе, где он подолгу жил с 1939 г.

он не обладал изначально отменным здоровьем Хемингуэя и, вероятно, на войне долго бы не протянул. Писатели, которые писали о войне, исходя из собственного опыта, обладали особыми качествами, и я не уверен, что им удалось бы написать что-то стоящее, не прикладываясь к крепким напиткам. Мне хочется думать, что Карл фон Клаузевиц не смог бы пережить сражение под Йеной, если бы не прикладывался к картофельному шнапсу, и мы знаем, что Улисс С. Гранту потребовались и сигары, и виски, чтобы преодолеть Глушь.

Насчет ранних войн: об итальянском фронте в 1918 г. и о греко-турецкой войне в 1920-х я знаю только по рассказам, написанным моим отцом, таким, как «Какими вы не будете», но помню 1938 год, когда мой отец вскрыл и прочитал телеграмму, — я, десятилетний ученик пятого класса, стоял рядом с ним на втором этаже нашего дома в Ки-Уэст, у самой лестницы, — сообщившую ему о начале последнего наступления армии Испанской республики, которое шестнадцатью неделями позже закончилось катастрофой у реки Эбро. Папа тут же отбыл в Испанию. Именно в тот год моя мать, мой младший брат и я вступили в войну, за целых три года до Пёрл-Харбора. Моя семья уже тогда заняла антифашистскую позицию.

Марта Геллхорн*, протеже миссис Рузвельт, устроила Хемингуэю приглашение в Белый дом, когда уже стало ясно, что Испания вот-вот достанется Франко и его немецко-итальянским союзникам. Я помню, как отец рассказывал об этом, когда мы обедали за длинным столом работы испанских мастеров восемнадцатого века, в столовой нашего дома в Ки-Уэст, украшенной большой картиной Хуана Миро, на которой он изобразил свою ферму под Барселоной. Папа говорил нам, что после этого вечера в Белом доме его антипатия к президенту получила новый

* Геллхорн, Марта/Gellhorn, Marta (1908–1998) — одна из первых женщин — военных корреспондентов.

импульс. С точки зрения моего отца, встреча не заладилась с самого начала, когда президент без особой на то причины заявил, что не читал беллетристику еще со времен учебы на последнем курсе Гарварда. Хемингуэю, должно быть, вспомнилось написанное им не так уж и давно в «Зеленых холмах Африки»: со временем все государства разрушались и оставались только люди, которые создавали произведения искусства. Остаток вечера президент говорил, никого не слушая, о том, что происходит в Испании. Далее, по словам моего отца, миссис Рузвельт, при всей ее любви к человечеству вообще, оказалась ужасной домохозяйкой, и он никогда не ел более отвратительной трапезы, чем поданной ему в Белом доме. Особенно не понравился ему голубь, жесткий, как подошва.

Через год или около того, когда шумный успех романа «По ком звонит колокол», казалось бы, подтвердил правильность его решения развестись со второй женой, Хемингуэй покинул Ки-Уэст и страну, обосновавшись на Кубе с Мартой Геллхорн, они оба, в качестве журналистов, отправились в Китай и английские и голландские колонии на Дальнем Востоке. Марти, через много лет после того, как закончилась ее семейная жизнь с моим отцом, написала прекрасные мемуары об их совместной поездке, и Папа, из-под пера которого тогда вышли прозорливые статьи, вошедшие в золотой фонд военной журналистики, радовался возможности работать и жить с Марти, совсем как во время гражданской войны в Испании.

Эрнест Хемингуэй любил море. Его предки бороздили моря и океаны еще на парусниках, а он и его брат Лестер, покинув Оук-Парк, пригород Чикаго, всегда жили на побережье океана и постоянно выходили в море, Лестер отдавал предпочтение парусу, Эрнест — мотору. Когда Пёрл-Харбор втянул Америку во Вторую мировую войну, Папа оказался в уникальной ситуации, позволяющей внести необычную и большую лепту в борьбу с врагом. Благодаря участию в гражданской войне в Испании он обладал об-

ширными сведениями о людях, которые теперь построили фашистское государство в этой стране, и о том, кто из них мог бы принять участие в разведывательных операциях Оси, направленных против Соединенных Штатов в Латинской Америке и особенно на Кубе. Несмотря на пренебрежительное отношение со стороны президента Рузвельта, с которым Хемингуэй столкнулся двумя годами раньше, он связался с военно-морской разведкой через американское посольство в Гаване. Его помощь приняли с благодарностью, и предоставленные им сведения не раз и не два приводили к аресту немецких агентов, когда те пытались сойти на территорию Кубы с испанских кораблей, которые, как корабли нейтральной страны, могли швартоваться как в Гаване, так и в портах Латинской Америки. На эти корабли агенты попадали через Испанию, пользуясь всемерной поддержкой фалангистов. Получив полувойенный статус капитана большого морского катера «Пилар», который он ранее использовал для рыбалки, Хемингуэй сыграл — пусть и маленькую — роль в противодействии операции «Удар в литавры» — нападению немецких подлодок дальнего действия на корабли в непосредственной близости от американского побережья в первые шесть месяцев после вступления Соединенных Штатов в войну.

К середине июля 1942 года подводная война практически полностью переместилась в северную часть Атлантического океана, и Папа посчитал, что у берегов Кубы достаточно безопасно, чтобы пригласить двух своих младших сыновей, меня и Грегори, провести остаток летних каникул с ним на Кайо-Конфитес, маленьком островке, который часто использовался кубинскими военными для наблюдения за узким, глубоководным проливом, разделяющим северо-восточную оконечность Кубы и южную — Багама-Бэнк. Кайо-Конфитес очень уж походил на остров, какой рисуют карикатуристы, когда хотят изобразить потерпевшего крушение матроса, правда на нем не росла даже одна-единственная пальма. Зато там стояла лачуга,

в которой жили два солдата, обслуживающие коротковолновый радиоприемник-передатчик.

Грег и я спали на койках в каюте «Пилар»: катер вечером всегда бросал якорь рядом с островом после дневного патрулирования. Во время патрулирования мы оставались на острове, с нашим маленьким скифом, и однажды чуть не утонули, когда внезапно налетевший послеполуденный шквал застал нас чуть южнее острова, где мы рыбачили с масками. Шквал залил водой наш скиф, а нас, к счастью, вынес на песчаный остров. Тогда еще не изобрели трубку, и мы, наверное, первыми из американцев использовали для рыбалки на подводном коралловом рифе маски с одной стеклянной пластиной, а не большие очки. В то лето семейная жизнь Марты и Папы дала трещину, и хотя о том, что происходило тогда, высказались обе стороны, с большим количеством подробностей, вероятно, права была Марта. С нарастанием потока людей и грузов из Америки в Англию, с тем чтобы открыть Второй фронт, о чем так настоятельно просили русские, борьба с подводными лодками переместилась на подступы к Британским островам, и для обоих ветеранов военной журналистики пришла пора собирать вещи и освещать надвигающееся вторжение в Западную Европу. Проблема заключалась в том, что в сравнении с Марти Папа был в меньшей степени ветераном-журналистом и в гораздо большей — писателем. В свои сорок три года он многое знал и о писательстве, и о войне. А еще его сильно донимал геморрой, крайне неприятная болезнь для жизни в полевых условиях. Он также прекрасно знал, что Джеймс Джойс, который никогда не слышал, как обозленные люди стреляют друг в друга, пережил войну в Швейцарии, и все шло к тому, что его могли провозгласить величайшим писателем двадцатого столетия. Потом он смеялся над этими мыслями со своими друзьями из Четвертой американской пехотной дивизии, называя себя Эрни Геморройсом, но Марти пришлось использовать очень крепкие выражения, чтобы

заставить его вновь взвалить на себя бремя военной журналистики, и за это он никогда ее не простил.

Вторая мировая война стала последней, на которой побывал Эрнест Хемингуэй. Когда два младших сына спрашивали его, что он делал на войне, он говорил нам, что оплачивал ее. Так он саркастически отзывался о конфискационном подоходном налоге, который он заплатил с гонорара, полученного за продажу прав на экранизацию романа «По ком звонит колокол». Ему не повезло и с преждевременным обличением фашизма, и с продажей прав на экранизацию своего самого продаваемого романа в тот самый момент, когда для людей с высоким доходом планка налога поднялась выше восьмидесяти процентов, чтобы остающиеся в тылу прочувствовали, что они тоже идут на жертвы, как и солдаты на передовой, а корпорации могли наконец-то получить прибыль, после двенадцати тощих лет, от экономики военного времени. Для Хемингуэя это изменение в законодательстве создало серьезные проблемы. Все доходы от своего первого романа-бестселлера «И восходит солнце» он передал своей первой жене, Хэдли, во время их развода. Он выплачивал крупные суммы денег на содержание второй жены, Паулины, и их двоих маленьких детей, а разразившаяся война свела к нулю доходы от зарубежных изданий. Большая часть доходов от романа «Прощай, оружие!» пошла на создание доверительных фондов после самоубийства его отца, чтобы обеспечить средствами к существованию мать Хемингуэя, его незамужних сестер и младшего брата. Часть средств в эти фонды вложил Г. А. Пфайфер*, очень богатый дядя Паулины. Финансовое положение Хемингуэя стало критическим после вялых продаж романа «За рекой, в тени деревьев», и тогда моя жена, Генриэтта, высказала мысль, что он и его четвертая жена, Мэри, могут

* Пфайфер, Густав Адольф/Pfeiffer, Gustavus Adolphus (1872–1953) — американский бизнесмен и филантроп.

заработать большие деньги, освещая войну мистера Трумэна в Корее. Надо отдать Папе должное, он не выставил нас из «Финка Вихии», где мы в то время гостили. Случилось это в те самые годы, когда бедный Роберт Капа*, которому удавалось заработать деньги, лишь фотографируя войну, наконец-то купил ферму в Индокитае.

Папа здорово воспроизвел свои журналистские впечатления о вторжении в Нормандию, освобождении Парижа и ужасах сражения на центральном участке фронта Шне-Эйфель в повести «Старик и море», на сегодняшний день самом продаваемом его произведении. В море он забывал обо всех недугах и чувствовал себя счастливейшим из смертных. Мне приятно оставить Папу, стоящим рядом с его четвертой женой, Мэри, единственной из всех жен, которая действительно любила море, на открытом мостике «Пилар» во Флоридском проливе, только что миновавшим крепость Дель Моро, в солнцезащитной кепке, белой наглаженной рубашке и черных, сшитых по фигуре бермудах, оставляющих открытыми его элегантные голени. В левой руке у него стакан с холодным напитком, правая держит штурвал. Он наблюдает за двумя приманками, плывущими по синей воде по обе стороны двойного белого буруна, в ожидании первого появления виляющей морды марлина, его темно-серого спинного плавника или хвоста, формой напоминающего косу, спешит на корму, чтобы схватить удилище с державки, отпустить леску, а потом натянуть, сильно дернув удилище четыре или пять раз, чтобы зацепить крючок и заставить громадную рыбину первый раз высоко выпрыгнуть из воды.

*Патрик Хемингуэй.
Бозмен, Монтана.
Апрель 2003 г.*

* Роберт Капа/Robert Capa (1913–1954, настоящее имя Эндре Фрайдманн/Endre Friedmann) — фоторепортер еврейского происхождения, родом из Венгрии.

ВЫРАЖЕНИЕ ПРИЗНАТЕЛЬНОСТИ

Я выражаю искренние благодарность и признательность Патрику Хемингуэю, за то, что он счел возможным поручить мне реализацию этого проекта, за его предложения по включению в сборник тех или иных литературных произведений, за ответы на многие мои вопросы, связанные с пребыванием моего деда на войне, и за вдумчивую «Вступительную статью», без которой сборник был бы неполным. Я выражаю искреннюю благодарность Кэрол Хемингуэй, особенно за помощь с подбором отрывков из «Пятой колонны»; Майклу Катакису за его одержимость этой книгой и дельные советы и поддержку; Меган Деснойрс и Джеймсу Рочу, ведающим «Архивом Хемингуэя» в библиотеке имени Джона Ф. Кеннеди, за помощь в поиске не опубликованных ранее материалов для этого сборника, и Аллену Гудричу, и Джеймсу Хиллу, сотрудникам аудиовизуальных архивов, за неоценимую помощь в подборе фотоматериалов; фонду Эрнеста Хемингуэя за разрешение опубликовать отрывки из писем и Дж. Джеральду Кеннеди за содействие в получении этого разрешения; издательству «Саймон и Шустер» за разрешение использовать отрывки из ранее опубликованных произведений, и Лидии Зелья и Джеффу Уилсону за содействие в получении этого разрешения; Чарльзу Скрибнеру Третьему за энтузиазм и помощь; президенту Фиделю Кастро за наводящую на размышления дискуссию о моем деде и о войне; Валери Хемингуэй за ее специфические и ценные комментарии, связанные с пребыванием Эрнеста Хемингуэя в Испании, и за общую поддержку;

Джозефу Кзапски за поддержку и полезные предложения; Генри Горновичу за его копию фильма «Испанская земля»; Патриции Кзапски, Глейдис Родригес, Джеймсу Нейджелу, Брендону Хемингуэй, Робину Смиту, Брайану Гайсфорду, Эчилл Диматтео, Доминику Триполи, Анджеле Хемингуэй, Стивену Голду, Джорджу Рлимптону, Дженни Филлипс, конгрессмену Джеймсу Макговерну, Грегори Хемингуэй, Джеку Хемингуэй и Джону Гроту. И наконец, как и всегда, приношу самую теплую благодарность моей жене и моей музе, Колетт, за критические замечания, высказанные после прочтения рукописи, и безмерное терпение и поддержку во время работы над ней.

Шон Хемингуэй